

А. Б. БРЕЙДАК

О ВЛИЯНИИ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ НА ЛАТГАЛЬСКИЙ И СЕЛОНСКИЙ ИДИОМЫ

1. Данные археологии свидетельствуют, что по VII в. нашей эры в восточной Латвии, за исключением ее южной части, обитало прибалтийско-финское население¹. Судя по краниологическому материалу, это было восточнофинское племя, по происхождению очень близкое к води, ижоре и южным эстонцам².

Во второй половине первого тысячелетия нашей эры латгалы начали продвигаться в северном направлении и к XIII в. н. э. уже приблизительно достигли нынешней северо-восточной границы Латвии³.

Продвижение балтийских племен на север во второй половине I тыс. н.э. не явилось причиной для отступления прибалтийских финнов. Большинство прежнего населения осталось на месте и продолжало жить бок о бок с пришедшими с юга балтийскими племенами⁴. Оно постепенно смешалось с латгалами и селонами, приняло их культуру и язык.

2. Имеются основания для предположения, что латгалы и селоны, а также кривичи — прибалтийско-финское племя, обитавшее в восточной Латвии (как и некоторые другие прибалтийско-финские племена), назывались чудью⁵.

¹ Шноре Э., Циммермане И. Поселение и могильник в Кивты (Восточная Латвия). — В кн.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин, 1966, с. 184—185; Latvijas PSR arheoloģija. Rīgā, 1974, с. 174.

² R. Deņisova. Austrumlatviešu antropoloģiska tipa īpatnības sakarā ar viņu etnisko vēsturi. — „Arheoloģija un etnogrāfija“, 1968, s. VIII, с. 100—101; R. Deņisova. Baltijas somi Latvijas teritorijā (m. ē. I—II g. t.). — В кн.: Zinātniskās atskaites sesijas referātu tēzes par arheologu, antropologu un etnogrāfu 1968. gada pētījumu rezultātiem. Rīgā, 1969, с. 8; Денисова Р. Прибалтийские финны на территории Латвии (I—II тысячелетия н. э.). — В кн.: Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. Рига, 1970, с. 13—14; R. Deņisova, Sēlpils 13.—17. gs. kapulauka kranioģiskais materiāls un tā nozīme austrumlatviešu etniskās vēstures izpratnē. — „Arheoloģija un etnogrāfija“, 1973, s. X, с. 9; Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига. 1975, с. 186.

³ Н. Моора. Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā, 1952, с. 110—111.

⁴ Денисова Р. Прибалтийские финны на территории Латвии (I—II тысячелетия н.э.). — В кн.: Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов, с. 14; R. Deņisova. Sēlpils 13.—17. gs. kapulauka kranioģiskais materiāls un tā nozīme austrumlatviešu etniskās vēstures izpratnē. — „Arheoloģija un etnogrāfija“, 1973, s. X, с. 10.

⁵ О значениях и этимологии этнонима *чудь* см. Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 106; Моора Х. А. и А. Х. Из этнической истории води и ижоры. — В кн.: Из истории славяно-прибалтийско-финских

А. Биленштейн привел интересные сведения, что местное население восточной Видземе еще в конце XIX в. называло жителей Марциены чудью. По этому поводу он писал: „...in der Bersonschen Gemeinde liegt das Gut Mahrzen, dessen Bewohner sich durch Physiognomie, Tracht und Charakter wesentlich von den umwohnenden Nachbarn unterscheiden, und von diesen, obschon sie heute und schon seit lange lettisch sprechen, doch *Tschūdi* (cf. russ. Чудь, Tschude, Ehste) genannt werden“⁶.

В Латгалии (за исключением ее южной части) бытует целый ряд фамилий и топонимов с корнями *čūdar-*, *čudar-* и *čodar-*⁷, например фамилии *Čūdars*² Виляка, *Čūdars* Наутрены, Ругаи, Сакстагалс, *Ču·darkins* Тилжа, *Čodars*⁸ Наутрены, Цибла, ойконимы *Čūdarāni*² || *Čudarāni*² Наутрены, *Čūdarāni*² Макашены, *Čudarāni*² Кауната, *Čūdarīne*² Балтинава, Виляка, гидроним *Čūdarānu*² *azars* Макашены, названия лугов *Čūdara l'èičs*² Лиепна, *Čūdara pļova* Лиепна. На наш взгляд, эти имена собственные образованы от этнонима *čūds*, *čuds*.

Новгородские славяне также называли местное население северо-восточной Латвии (= Очелы) чудью. Так, Новгородская первая летопись повествует о военном походе Мстислава на Чудь, на Очелу: „А на зиму [1180 г. — А. Б.] иде Мьстиславъ съ Новгородьци на Чюдъ, на Очелу [разрядка наша. — А. Б.] и пожъже всю землю ихъ, а сами отбъгоша к морю; нъ и ту ихъ досыти паде“⁹.

3. Выводы археологов и антропологов о том, что в восточной Латвии до прихода латгалов и селонов обитали прибалтийские финны, подтверждаются также данными гидронимами. В Латгалии (как и во всей Латвии) бытует много названий рек и озер прибалтийско-финского происхождения. Ниже приводим список этих гидронимов.

Iča — п.п. реки *Aivikstā*² (офиц. *Aiviekste*), *Mozūo*² *Iča* — л.п. реки *Iča*. Ср. ойконимы вод. *Itšä-päivä*, фин. *Ikä-päivä*, см. ПФНР 98.

*Kārņīte*² — л.п. реки *Vūorņīne*² (офиц. *Vārniene*). М. Рудзите выдвинула две версии этимологии этого гидронима. Во-первых, возможно, что он этимологически связан с ойконимом *Karniaī* и гидронимом *Kaņņupe* в Литве и топонимом *Karnithen* в древней Пруссии; во-вторых, возможна его связь с ойконимом *Kaarna* и гидронимом *Kaarna-järv* в Эстонии, см. SH 182. Учитывая нерегулярный гласный *ā* в корне, мы считаем название реки *Kārņīte*² прибалтийско-финским.

отношений. Таллин, 1965, с. 70; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973, с. 378; Агеева Р. А. Этнический термин „чудь“ на территории севера и северо-запада СССР. — В кн.: Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1966, с. 165—168.

⁶ А. Bielenstein. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. St. Petersburg, 1892, с. 20.

⁷ Формы с *и* и *о* в первом слове проникли в латгальские говоры через посредничество славянских языков.

⁸ Форма *Czodor* в составной фамилии *Czodor Midzisz* впервые отмечена в городе Лудзе в 1599 г. См. E. Blese. Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas, s. I. Vecākie personu vārdi un uzvārdi (XIII—XVI g. s.), Rīgā. 1929, с. 332.

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л. 1950, с. 36.

*K'èiba*² (< **Kàiba*²) — п.п. реки *І́ца*. Ср. топоним *Kaibaldi* в Эстонии, см. ПФНР 98.

*Kùkova*² — л.п. реки *Великой*. Местное население называет эту реку также *Kukva* и *Kuhva*. В России эта река называется *Кухва*.

Я. Эндзелин ошибочно связывал (с „?“) гидроним *Kùkova*² с лтш. апеллятивом *kùoks* „дерево“ и топонимами *Sosow* в древней Пруссии и *Kúokalnis* в Литве, см. ZfslPh. XI 128¹⁰. На наш взгляд, было бы неправильно этимологически отделять гидроним *Kùkova*² от других вариантов *Kukva*, *Kuhva*, русск. *Кухва*, этимология которых, по мнению М. Фасмера и М. Рудзите, прибалтийско-финская (ср. гидронимы *Kuoha-järvi*, *Kuohu-koski* в Финляндии, а также финский апеллятив *kuohu* „Schaum, Schwall, Brandung“), см. Beitr. II 365¹¹, SH 183 — 4. Мы считаем, что вариант гидронима *Kùkova*² также прибалтийско-финского происхождения, но оформлен при помощи исконно унаследованного суффикса *-ova*. Варианты названия реки *Kukva* и *Kuhva* проникли в латгальские говоры из чудского при посредстве русского языка, см. ПФНР 98—9, СНР 90.

*Làigolys*² *urä* — л.п. реки *І́ца*. Ср. эст. *loik*, ген. *loigu* „лужа, промоина, водоямина, углубление“.

Ludanka || *Ludunka* || *Ludumka* — л.п. реки *Kùkova*². Этот гидроним прибалтийско-финского происхождения. Ср. с названием реки *Луда* в России, которое М. Фасмер связывает с *Luoto-joki* в Финляндии и прибалтийско-финскими апеллятивами (фин. *luoto*, карел. *luodo* „kleine Insel, Steinbank, unter Wasser befindliche Klippe“), см. Beitr. II 418. Гидроним *Ludanka* || *Ludunka* || *Ludumka* проник в латгальские говоры при посредстве русского языка. См. ПФНР 99, СНР 90.

Nukšu *urš* — среднее течение реки *Īlža*² (офиц. *Ilža*). Ср. саам. *njukča* „лебедь“. О рефлексах этого апеллятива в гидронимии России см. Beitr. II 416¹².

*Ojùotēš*² || *Ojùotñiku*² *azars* в Краславском районе (Аулея). Этот гидроним наряду с названием реки *Оять* в Ленинградской области и названием озера *Ajõčis* в Литве имеет прибалтийско-финскую этимологию. Ср. эст. *oja* „ручей“, фин. *oja* „канавка“, лив. *oja* „пруд“.

P'ed'edže — п.п. реки *Āivīkstā*² (офиц. *Aiviekste*). По мнению К. Буги, гидроним *Pededže* имеет прибалтийско-финский источник **Ped(ājä)-jõgi* или *Pedjõgi (ср. название реки *Pedja* < *Pedaja в Эстонии). Первая часть этого гидронима представляет собой название сосны (эст. *pedajas*, *pädajas*, фин. *petäjä* „сосна“), а вторая часть — географический термин „река“ (эст. *jõgi*, фин. *joki* „река“). См. RR III 507, 562, 631, 886, ZfslPh. XI 136—7, SH 189, ПФНР 99.

*Ràuzu*² *azars* в Лудзенском районе (Звиргздене). Ср. эст. *rõusk*, ген. *rõusa* „бугор“, см. ВПФЯ 162.

¹⁰ См. также J. Endzelīns. Latvijas PSR vietvārdi, s. 1(2). Rīgā, 1961, с. 192.

¹¹ См. также M. Vasmer. Balten und Finnen im Gebiet von Pskov. — StB, 1933, t. III, с. 28.

¹² См. также M. Vasmer. Die älten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin, 1941, с. 27.

Rika — л.п. реки *Kùkova*². Ср. *Rikka-vesi* в Финляндии. Небалтийское происхождение гидронима *Rika* подтверждается отсутствием позиционной перегласовки гласного *i > y*, см. ПФНР 100.

S'ita — л.п. реки *P'ed'edže*. Ср. *Sitta-kivi* в Финляндии и эст. апеллятив *sitt* „Kot, Dreck, Mist, Dünger“, см. RR III 646, SH 191, ПФНР 100. Небалтийское происхождение гидронима *S'ita* подтверждается и тем обстоятельством, что в нем отсутствует позиционная перегласовка гласного *i > y*, см. ПФНР 100. Я. Эндзелин это название реки неправильно считал (с „?“) балтизмом, см. ZfsIPh, XI 149.

*Sòidu*² *azars* в Лудзенском районе (Звиргздене). Это название озера наряду с названием реки *Saida* в Литве имеет прибалтийско-финскую этимологию. Ср. названия рек *Sojda* в Карелии и *Soito-joki* в Финляндии. См. SH 191, ВПФЯ 162¹³.

*Sùokaža*² — п.п. реки *Narata* (офиц. *Nereta*). Ср. эст. *sookas* „sumpfig, morastig“.

*Tòlkoja*² — ручей в Мадонском районе (Баркава), *Tòlkoju*² *azars* там же. Эти гидронимы наряду с названием реки *Talkõtas* в Литве имеют прибалтийско-финский источник. Ср. топонимы *Tolgi-soo* и *Tolka-niit* в Эстонии и эст. апеллятивы *tolk* „маленький лес“ и *oja* „ручей“.

*Ûja*² || *Ûjena*² — п.п. реки *L'isina* (офиц. *Lisina, Lisinis*). Гидроним прибалтийско-финского происхождения (ср. эст. *oja* „ручей“, фин. *oja* „канавка“), см. SH 188 s.v. *Oja* и ПФНР 100. Подударный гласный *o* в латгальском идиоме удлинился и потом закономерно развился в долгий *ũ*.

Utroja || *Utreja* — л.п. реки *Великой*. В России эта река называется *Утроя*. Название реки *Utroja* || *Utreja*, *Утроя* прибалтийско-финского происхождения. Ср. гидронимы *Utra, Utrija* в Эстонии, *Utra, Utran-koski, Utras-lahti, Utras-vesi* в Финляндии и апеллятивы эст. *oja* „ручей“, фин. *oja* „канавка“, см. RR III 508, 562, 563, 608, 887, Beitr. II 367, ПФНР 100.

*Vyràuds*² || *Vyràudys*² *azars* в следующих гидронимах: а) *Vyràuds*² || *Vyràudys*² *azars* в Резекненском районе (Берзгале); б) *Krÿvu*² *Vyràuds*² || *Krÿvu*² *Vyràuda*² *azars* || *Krÿvu*² *Vyràudys*² *azars* в Краславском районе (Андрупене); в) *Latvîšu*² *Vyràuds*² || *Latvîšu*² *Vyràuda*² *azars* || *Latvîšu*² *Vyràudys*² *azars* в Краславском районе (Андрупене). Эти названия озер прибалтийско-финского происхождения (ср. эст. *viru* „Wirbel, Wasserwirbel“ и эст. *haud* „яма, углубление, могила“). К этой же группе гидронимов относится и *Vruda* — п.п. реки *Kùdupe*². В России эта река называется *Вруда*. Гидроним *Vruda* проник в латгальские говоры из чудского через посредничество русского языка (<русск. *Вруда* < др.-русск. *Вьруда < *Virauda). См. также RR III 508, 562, 563, 887, SH 188.

Некоторые гидронимы прибалтийско-финского происхождения в северной Латгалии, напр., *P'ërd'eja*² || *P'ierd'eja*² — нижнее течение реки *Волупе*, *P'ierd'eja*² — верхнее течение реки *Волупе* (ср. *Päärdu-jõgi* в Эстонии, см. ПФНР 99), являются результатом более позднего эстонского влияния.

¹³ См. также Ванагас А. К проблеме финно-угорского субстрата в литовской топонимии. — *Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum*. Tallinn, 17. — 23. VIII 1970, Teesid, с. 82.

Наряду с гидронимами в Латгалии бытует также целый ряд ойконимов и фамилий прибалтийско-финского происхождения, напр. ойконимы *Kāngary*² Виляка, Пилда (ср. эст. *kangur* „груда камней“, лив. *kāngar* „холм; бугор“), *L'inužu* Карсава (ср. ойконимы *Linnuse* в Эстонии и *Linnamaa* в Финляндии), *Pujaty* Макашены (ср. фамилию *Pujati*, топонимы *Pujatu*, *Puiatu* и название реки *Puijat* в Эстонии), *Sārni*² Звиргздене, Наутрены, Макашены (ср. ойконим *Saarne* в Эстонии), *Tūmužu*² Кауната (ср. ойконим *Tooma* в Эстонии), *Vaidēry*² Ликсна (ср. ойконимы эст. *Vaida* и лив. *Vaid*), *Z'ep'i* Баркава, Ливаны (ср. эст. *sepp* „кузнец“) и соответствующие фамилии *L'inužs*, *Pujats*, *Vaid'ers*², *Z'eps*¹⁴.

4. Язык обитавшего в восточной Латвии прибалтийско-финского населения оставил глубокие и неизгладимые следы в латгальском и селонском языках. Под влиянием прибалтийско-финского субстрата в латгальском и селонском языках (как и в земгальском и куронском) произошла стабилизация ударения на первом слоге слова. Вследствие этого в древнелатышских племенных языках сократились окончания слов и упростилась морфологическая структура по сравнению с литовским языком.

5. Характерной чертой верхнелатышских говоров (ретроспективно — латгальского и селонского племенных языков) является позиционная перегласовка гласных ($e > a$, $\bar{e} > \bar{a}$, $i > u$). Суть этой перегласовки заключается в следующем: гласные переднего ряда e , $\bar{e}$, i изменились в гласные среднего ряда, a , $\bar{a}$, u , если в следующем слоге были гласные среднего или заднего ряда и если после гласных e , $\bar{e}$, i не было мягких согласных, напр. *saklys* „мелкий, неглубокий“ < *seklos, *tāvs*² „отец“ < *tēvos, *vūtkš*² „волк“ < **viļkos*¹⁵. Судя по некоторым топонимам, засвидетельствованным в письменных памятниках XIII и XIV вв. (напр., *Gulbana* в 1224 г. ¹⁶ < *Gulbena, ср. *Gulbene* в современном латышском литературном языке; *Barsono* в 1389 г., ср. *bērzs* в нижнелатышском идиоме) эта перегласовка произошла до XIII в.¹⁷

Аналогичное фонетическое явление имеется и в прибалтийско-финских языках, а именно — гармония гласных в южноэстонском диалекте, в водском, ижорском и др. языках¹⁸. На наш взгляд, такая аналогия в фонетике контактирующих языков не может быть случайным совпадением. Поэтому позиционную перегласовку гласных в латгальском и селонском языках мы объясняем чудским субстратом. Правда, в прибалтийско-финских языках гармония гласных проявляется в виде прогрессивной ассимиляции, в верхнелатышских же говорах позиционная перегласовка гласных проявляется в виде регрессивной ассимиляции, но принцип согласования вокализма смеж-

¹⁴ Топонимы и антропонимы прибалтийско-финских языков взяты для сравнения из следующих трудов: L. Kettunen. Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen. Helsinki, 1955; V. Kiparsky. Die Kurenfrage. Helsinki, 1939.

¹⁵ Ареал позиционной перегласовки гласных см. на карте № 1.

¹⁶ *Latvijas vēstures avoti*, s. II. *Senās Latvijas vēstures avoti*, I burtnīca (lidz 1237. g.). Rīgā, 1937, с. 80.

¹⁷ Вероятно, что перегласовка e , $\bar{e}$ осуществилась через промежуточную ступень, а именно: $e > \text{ɛ} > a$, $\bar{e} > \bar{\text{ɛ}} > a$. См. также Lgr., 108, Ld. 277.

¹⁸ Основы финно-угорского языкознания. М., 1974, с. 165—166.

ных слогов как в прибалтийско-финских языках, так и в верхнелатышских говорах один и тот же.

Развитию прогрессивной ассимиляции гласных в латгальском и селонском языках воспрепятствовала морфологическая структура, ибо в противоположном случае система склонений и спряжений была бы неизбежно разрушена.

6. В говорах северной Латгалии дифтонг *ai* изменился в *ei* за согласными *k, g*, напр. *skêida* „щепа“ < *skâida*, *g'èisma*² „свет“ < *gâisma*². В некоторых говорах Лудзенского и Резекненского районов эта перегласовка наличествует только в формах *kêi* „как“ и *kêids* „какой“, *kêida* „какая“. В наши дни эта фонетическая особенность исчезает. В речи младшего и среднего поколения дифтонг *ei* (<*ai*) часто заменяется дифтонгом *ai*¹⁹.

Я. Эндзелин дал этому фонетическому явлению два совершенно разных толкования. В своем труде „Lettische Grammatik“ он объяснил перегласовку *ai* > *ei* за согласными *k, g* неударной позицией²⁰. Это объяснение Я. Эндзелин повторил и в издании 1951 г. своей „Грамматики латышского языка“²¹.

Однако необходимо отметить, что это толкование Я. Эндзелина противоречит данным латгальских говоров, ибо дифтонг *ei* (<*ai*), как правило, наличествует в подударной позиции, а в таких неударных формах как *lâi* „пусть“ и *tâi* „так“ дифтонг *ai* сохранился. Поэтому ясно, что неударная позиция не могла быть причиной перегласовки *ai* > *ei*.

Иначе эту фонетическую особенность латгальских говоров Я. Эндзелин объяснил в заметке, опубликованной в „Трудах Общества филологов“. Там он выдвинул мысль, что *ei* за согласными *k, g* является следствием палатальной перегласовки *ai* > *ei* (за согласными *k, g*) *ei*. По мнению Я. Эндзелина, дифтонг *ei* опять изменился в *ai*, но за согласными *k, g* дифтонг *ei* сохранился²².

Это толкование также сомнительно. Во-первых, нет достаточного основания для предположения, что в латгальских говорах когда-то была регулярная палатальная перегласовка. В этих говорах имеются только реликты спорадической палатальной перегласовки. Во-вторых, нет никаких доказательств тому, что в латгальских говорах когда-то бытовала разновидность палатальной перегласовки *ai* > *ei*. В-третьих, в подавляющем большинстве форм с перегласованным дифтонгом *ai* > *ei* согласно правилам палатальной перегласовки вообще не могла осуществиться такая перегласовка.

Исходя из диахронических звуковых законов балтийских языков и диалектов, нельзя удовлетворительно объяснить изменение дифтонга *ai* > *ei* за согласными *k, g*. Но аналогичное фонетическое явление наличествует в водском и эстонском языках, в которых дифтонг *ai* за согласным *k* спорадически изменился в водский дифтонг *ei* и эстонский *õi*²³, напр., вод. *keikki*, *keittši*

¹⁹ Ареал перегласовки *ai* > *ei* за согласными *k, g* см. на карте № 2.

²⁰ Le. Gr. 95.

²¹ Lgr. 136–137.

²² J. Endzelins. Sīkumi, LXXV. — FBR, XI (1931), с. 183–184.

²³ По мнению П. Аристэ, в прибалтийско-финском праязыке был гласный *e* среднего ряда, который развился в вод. *e* и эст. *õ*. См. Аристэ П. Примечания к книге Хакулинен А. Развитие и структура финского языка, т. I. М., 1953, с. 293.

„все“ и эст. *kõik* „все, весь“ при фин. *kaikki* „весь, все“. Необходимо учитывать также возможность, что в чудском языке восточной Латвии дифтонг *ai* за согласным *k* мог регулярно измениться в *ei*. Поэтому импульс для перегласовки дифтонга *ai* > *ei* за согласными *k*, *g* латгальский язык, возможно, получил из чудского языка, на котором говорило долатгальское население восточной Латвии. Так как в латгальском языке не было гласного *e* среднего ряда, первый компонент дифтонга — гласный *e* среднего ряда — в севернолатгальских говорах был заменен гласным *e* переднего ряда.

7. В большинстве говоров Латгалии, в некоторых говорах северо-восточной Видземе и восточной Земгале взрывные смычные *k*, *ḳ* изменились в аффрикату *č*, а взрывные смычные *g*, *g̣* — в аффрикату *dž*, напр., *čēve*²⁴ „кобыла“ Баркава, *kačs* „кот“ Пилда, *džēims*²⁴ „лицо“ Лубана, *zūdžs*²⁴ „пила“ Варакляны. Судя по распространению гипернормального *ḳ* или *ḳ* вместо *č*, напр., *kūska*²⁴ „змея“ Одзиена (< *čūska*), ареал аффрикат *č* (< *k*, *ḳ*) и *dž* (< *g*, *g̣*) раньше был гораздо шире²⁴.

Ареал аффрикат *č* (< *k*, *ḳ*) и *dž* (< *g*, *g̣*) продолжает суживаться и в наши дни. Так по данным „Lettische Grammatik“ Я. Эндзелена в Абельском говоре в окрестности города Екабпилса еще были *č* (< *ḳ*) и *dž* (< *g̣*)²⁵, но в наши дни эти аффрикаты уже заменены эксплозивными смычными *k*, *g*. В Лиепненском, Вексенском, Балвском, Аташиенском, Силаяньском, Малтенском, Айзкалненском и Дагденском говорах Латгалии наряду со старыми формами с аффрикатами *č*, *dž* младшее и среднее поколение уже употребляют и параллельные формы с *k'*, *g'*²⁶.

Изменение смягченных согласных *k* в *č* и *g* в *dž* в языках мира широко распространено. Однако учитывая то, что при изменении согласных *k* в *č* и *g* в *dž* в глубоких верхнелатышских говорах было ослаблено одно звено фонологически важной оппозиции твердых и смягченных согласных, а также то, что ареал *č* (< *k*, *ḳ*), *dž* (< *g*, *g̣*) и территория расселения восточно-финского племени в восточной Латвии почти полностью совпадают, мы объясняем изменение согласных *k*, *ḳ* в *č* и *g*, *g̣* в *dž* не внутриязыковыми факторами, а чудским субстратом. Так, напр., идентичное фонетическое изменение (*k* > *č* и *g* > *dž* перед гласными переднего ряда) осуществилось в водском языке, напр., вод. *tšivi* „камень“ при фин. и эст. *kivi* т.ж., вост.-вод. *audžiD* „щуки“ при эст. *haugid* т.ж.²⁷

8. В некоторых латгальских говорах необходимо учитывать также эстонский суперстрат. По сведениям исторических документов, в XVII в. значительное количество южных эстонцев было переселено в Бригскую, Нирзенс-

²⁴ Le. Gr. 133. Lgr. 187—188.

²⁵ Le. Gr. 132.

²⁶ Ареал аффрикат *č* (< *k'*, *ḳ*) *dž* (< *g'*, *g̣*) и гипернормальных взрывных смычных *k'*, *ḳ* вместо *č* см. на карте № 2.

²⁷ L. Kettunen. *Vatjan kielen äännehistoria*. Helsinki, 1930, с. 16; P. Ariste. *Vadja keele grammatika*. Tartu, 1948, с. 10; P. Ariste. *A Grammar of the Votic Language*. Bloomington — The Hague, 1968, с. 14; Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 143.

кую, Пилденскую и Мердзенскую волости Лудзенского уезда²⁸. Судя по распространению ойконима *Igåuñi*² (< *igàuñi*² „эстонцы“), островки эстонского населения были также в Дриценской и Эзерниекской волостях Резекненского уезда. Живя бок о бок с латгальцами, переселенные эстонцы постепенно ассимилировались с ними. Язык этих эстонцев оставил свои следы в местных латгальских говорах.

В латгальских говорах Лудзенского района две слоговые интонации: нисходящая и прерывистая. Однако во многих деревнях этого района в речи местного населения наблюдается только одна интонация, которая по сравнению с нисходящей интонацией является более долгой. Это произношение бывших эстонцев, которые сами еще помнят, что их прадеды и прапрадеды говорили на эстонском языке. Латгальцы называют их эстонцами и так характеризуют их произношение: „Эстонцы тянут“.

В латышском языке зарегистрировано приблизительно 400 лексических заимствований из прибалтийско-финских языков. 84 из них вошли также в латышский литературный язык. В говорах Латгалии зарегистрировано приблизительно 65 лексических заимствований из прибалтийско-финских языков²⁹. В Лудзенском районе следовало бы ожидать гораздо больше таких заимствований, чем в остальной Латгалии, ибо в этом районе в XVII—XIX вв. жило много эстонцев бок о бок с латгальцами. Однако в действительности пока в говорах Лудзенского района установлено не больше лексических заимствований из прибалтийско-финских языков, чем в остальных говорах Латгалии.

Под влиянием эстонского суперстрата возникло значительное количество топонимов и фамилий в бывших Бригской, Нирзенской, Пилденской и Мердзенской волостях Лудзенского уезда, напр. ойконим *Bul'i* Пилда, гидроним *Buļu upš* Пилда, фамилия *Buļš* Бриги, Нирза, Пилда, Мердзене (ср. ойконим и название озера *Pulli* в Эстонии), фамилия *M'ekšš* Пилда (ср. ойконим и название реки *Meeksi* в Эстонии)³⁰, ойконим *Pàid'ery*² Пилда (ср. название ойконима и реки *Paide* в Эстонии, см. ВПФЯ 162), ойконим *Pÿlda*², гидронимы *Pÿldys*² *azars*, *Pÿldys*² *upš* Пилда (< эст. *põld* „поле“³¹, см. SH 189, ВПФЯ 162), ойконим *Ràibakozy*² Нирза, Пилда (< эст. *raibakas* „падаль“, см. ВПФЯ 162), фамилия *Ūnda*² Пилда (ср. эст. фамилию *Undama*³²) и т.д.

²⁸ Об истории Лудзенских эстонцев более подробно см. Аристэ П. Случаи языкового контакта в Латгалии. — LKK, 1963, t. VI, с. 137; A. Jansons. Ludzas igauņi, — „Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis“, 1968, Nr. 4; A. Breidaks. Par Baltijas somu un latgaļu etniskajiem sakariem. — „Dzimtenes balss“, 1972, Nr. 34, 35.

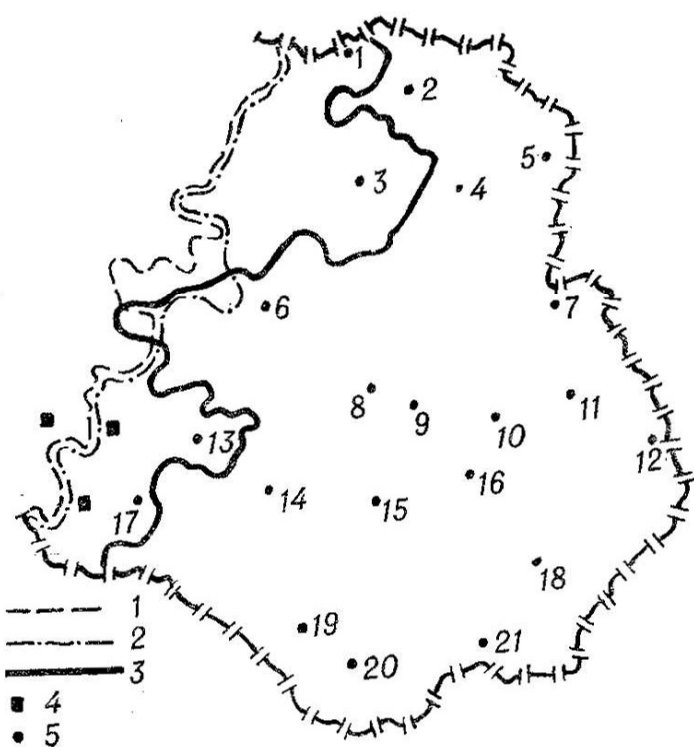
²⁹ V. J. Zeps. Latvian and Finnic Linguistic Convergences. Bloomington — The Hague, 1962, с. 84—210; Page C. О некоторых заимствованиях из эстонского языка в говорах Видземе. — В кн.: Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. Рига, 1970, с. 135—136; J. Endzelīns. Par latviešu un lībiešu valodas savstarpējo ietekmi. — „Baltistica“, 1970, t. VI, с. 9.

³⁰ Здесь приводимые этимологии топонимов *Buli*, *Buļu upš* и фамилий *Buļš*, *M'ekšš* выдвинул П. Воолайне в письме, присланном мне в феврале 1974 г.

³¹ Апеллятив *põld* „поле“ проник в эстонский язык из древнегерманских языков. См. Каск А. Х. Эстонский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966, с. 57.

³² Об эст. фамилии *Undama* см. L. Kettunen. Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen, с. 122—123.

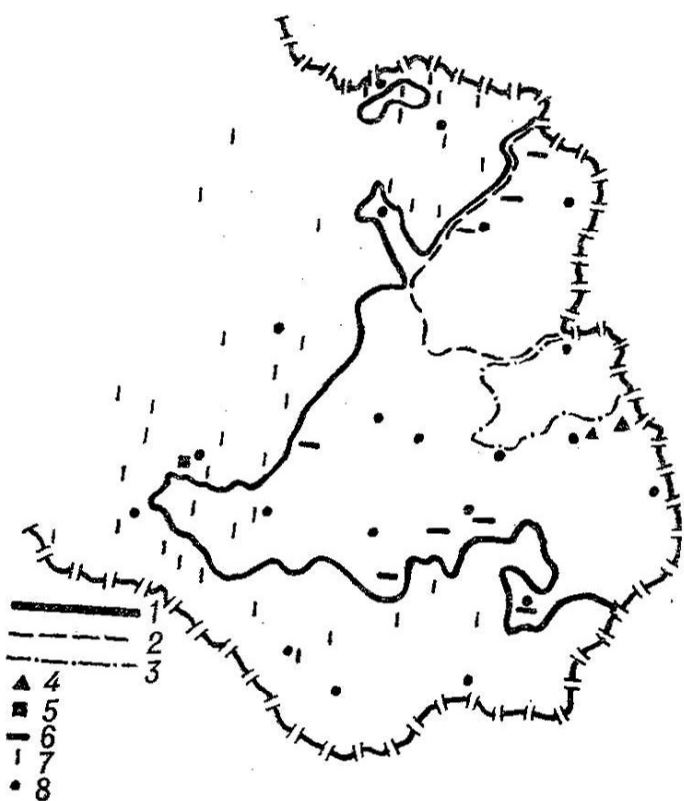

Карта № 1. Позиционная перегласовка гласных в верхнелатышских говорах. 1 — западная граница ареала $e > a$; 2 — западная граница ареала $\bar{e} > \bar{a}$; 3 — западная граница ареала $i > \bar{u}$, y ; 4 — говоры, в которых присутствует $\bar{u}$ или y за пределами ареала $i > \bar{u}$, y ; 5 — города: 1) Апе, 2) Алуксне, 3) Гулбене, 4) Балви, 5) Виляка, 6) Мадона, 7) Карсава, 8) Варакляны, 9) Виляны, 10) Резекне, 11) Лудза, 12) Зилупе, 13) Екабпилс, 14) Ливаны, 15) Прейли, 16) Малта, 17) Виесите, 18) Дагда, 19) Илуксте, 20) Даугавпилс, 21) Краслава.

Для составления карты использованы материалы диалектологического атласа латышского языка, хранящиеся в Институте языка и литературы АН Латвийской ССР.

Карта № 2. 1 — ареал $k', \bar{k} > \check{c}$ и $\acute{g}, \bar{g} > d\check{z}$; 2 — $ai > ei$ за согласными k, g ; 3 — $ai > ei$ только в формах $k'\acute{e}i$ „как“, $k'\acute{e}ids$ „какой“ и $k'\acute{e}ida$ „какая“; 4 — спорадическая перегласовка в форме $k'\acute{e}i$ „как“; 5 — $\check{c} < \bar{k}$ и $d\check{z} < \bar{g}$ по Le. Gr. и Lgr. (в наши дни $\check{c} < \bar{k}$ и $d\check{z} < \bar{g}$ уже отсутствуют в говоре); 6 — говоры, в которых молодое поколение заменило аффрикаты $\check{c}$ ($< k'$) и $d\check{z}$ ($< \bar{g}$) взрывными смычными k' , $\bar{g}$; 7 — гипернормализмы с $k', \bar{k} < \check{c}$; 8 — города (нумерацию и названия городов см. на карте № 1).

Для составления карты использованы следующие источники и труды: 1) Filologu Biedrības Raksti, s. I—XX. Rīgā, 1921—1940; 2) Le. Gr., Lgr.; 3) K. Mühlensch. Lettisch-deutsches Wörterbuch, Bd. I—IV. Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. Riga, 1923—1932; 4) J. Endzelin, E. Hausenberg. Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlensch. Lettisch-deutschem Wörterbuch, Bd. I—II. Riga, 1934—1946; 5) Ld.; 6) материалы диалектологического атласа латышского языка, хранящиеся в Институте языка и литературы АН Латвийской ССР; 7) материалы латгальских говоров, собранные автором данной статьи.

Сокращения

- Beitr. II — M. Vasmer. Beiträge zur historischen Völker Osteuropas. II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse. Berlin, 1934.
- Ld. — M. Rudzīte. Latviešu dialektoloģija. Rīgā, 1964.
- Le. Gr. — J. Endzelin. Lettische Grammatik. Rīgā, 1922.
- Lgr. — J. Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951.
- RR III — K. Būga. Rinktiniai raštai. T. III. V., 1961.
- SH — M. Rudzīte. Somugriskie hidronīmi Latvijas PSR teritorijā. — Latviešu leksikas attīstība. LVU Zinātniskie raksti, 86. sēj. Rīgā, 1968.
- ZfslPh. — Zeitschrift für slavische Philologie.
- ВПФЯ — Брейдак А. Влияние прибалтийско-финских языков на латгальские говоры Лудзенского района Латвийской ССР. — В кн.: Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. Рига, 1970.
- ПФНР — Брейдак А. Б. Прибалтийско-финские названия рек в Латгалии. — „Известия Академии наук Латвийской ССР“, 1973, № 2.
- СНР — Брейдак А. Б. Славянские названия рек в Латгалии. — „Baltistica“, 1973, t. IX(1).
- вод. — водский язык.
- вост.-вод. — восточноводский диалект.
- др.-русск. — древнерусский язык.
- карел. — карельский язык.
- лив. — ливский язык.
- русск. — русский язык.
- саам. — саамский язык.
- фин. — финский язык.
- эст. — эстонский язык.
- л.п. — левый приток реки.
- офиц. — официальное название.
- п.п. — правый приток реки.